

И. В. САЛО (Петрозаводск)

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ О ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ И СААМСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ И ИХ ОСВОЕНИИ В СЕВЕРНО- РУССКИХ ГОВОРАХ КАРЕЛЬСКОГО БЕЛОМОРЬЯ

Данная тема разрабатывается в нашей диссертации.¹ Материал собран в селах Вирма, Сумский Посад, Колежма и Нюхча (Беломорье). Одна из задач автора — пересмотреть некоторые этимологии Калимы², опубликованные 50 лет назад.

При сборе и анализе материала выяснилось, что некоторые слова, рассмотренные Калимой как прибалтийско-финские, представляют собой саамские заимствования (например, *јэлун'йца* 'вешало для сетей', *к'эр'эжа* 'сани-волокуши' и др.). Встретились и другие слова, по нашему мнению, саамского происхождения, которые широко употребляются в русских говорах Беломорья и сегодня (например, *војукса* 'печень, жир', *браст'эга* 'часть лески'³ и т. д.). Опираясь на данные словаря Т. И. Итконена⁴, мы попытались дать этимологию этих слов.

1. Прибалтийско-финские и саамские заимствования в беломорских говорах относятся к различным областям жизни поморов. Обращает на себя внимание обилие заимствований из области рыболовства (26 слов). Важное место среди заимствований занимают: географическая терминология (17 слов), названия явлений природы, растительного и животного мира (18). Значительную группу прибалтийско-финских заимствованных слов составляют звукоподражательные глаголы и глаголы действия и состояния (28). Определенное место в лексике прибалтийско-финских и саамских заимствований занимают названия построек, пищи, одежды и обуви (14). Меньше заимствований сельскохозяйственной (10) и охотничьей (2) терминологии, так как в Беломорье рыболовство преобладает над сельским хозяйством, а охотничества как такового в этом крае сейчас не существует. Прибалтийско-финские и саамские заимствования в области мифологии, взаимоотношений между людьми, обрядов, торговли составляют незначительную группу (10), все они заимствованы из вепсского, карельского, финского и саамского

¹ См. также И. В. Сало, О некоторых прибалтийско-финских заимствованиях в русских говорах Карельского Беломорья. — Тезисы докладов на Всесоюзной конференции по финно-угроведению, Сыктывкар 1965, стр. 96—99; ее же, О некоторых прибалтийско-финских заимствованиях в русских говорах поморов Карелии. — СФУ II 1 1966, стр. 13—18.

² J. Kalima, Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen, Helsinki 1919.

³ Этимологии слов *браст'эга*, *бд'эга*, *к'эр'эжа* и *нор'ило* см. И. В. Сало, О некоторых прибалтийско-финских заимствованиях в русских говорах поморов Карелии, стр. 13—18.

⁴ T. I. Itkonen, Koltan- ja kuolanlapin sanakirja I, II, Helsinki 1958.

языков, а также из ливвиковского и людиковского диалектов карельского языка, близких вепсскому языку.⁵

К вепским заимствованиям мы относим слова, фонетический облик которых наиболее близко соответствует вепсскому оригиналу. Здесь, например, характерны: глагольный суффикс *-aida-*, *-eida-*, например, *бур-айда-т* 'ворчать' (ср. вепс. *bureida-*); слова с конечным *-g*, например, *од'эга* 'палка' (ср. вепс. *odeg*); конечное *-fš* (*-č*): *ригача* 'амбар' (ср. вепс. *rihafš*); *кагач* 'хворост, палка' (ср. вепс. *kahač*).

Из зафиксированных нами к вепским заимствованиям относятся: *бурайдат* 'ворчать', *гуд'эга* 'иней', *кава* 'палка, столб, к которому привязывают лодку', *кагач* 'палка, шест', *кал'эга* 'вид рыболовной сети', *кал'эжыт* 'ловить рыбу на мелком месте', *карбас* 'лодка', *од'эга* 'палка, шест', *ловда* 'метка, деревянный поплавок у сети', *равайдат* 'ворчать, болтать', *рачконйт* 'ударить, треснуть', *ригача* 'место для обмолота зерна', *роуга* 'мерзлота в земле', *тукач* 'связка сена', *улайдат* 'выть' и др.

Вепско-людиковско-ливвиковскими заимствованиями мы считаем слова, по своему фонетическому облику имеющие оригинал как в вепсском языке, так и в ливвиковском и людиковском диалектах: *войдат* 'мазать, пачкать, плохо помыть, например, пол', *гар'як'ю* 'выпивка', *гурайдат* 'ворковать', *канабра* 'багульник', *кубайдат* 'чесать', *кюккюй* 'пирог', *ласт'эга* 'лучина', *л'эмбуй* 'чорт', *л'убайдат* 'трястись, полоскаться на ветру (о белье, флаге)', *н'инда* 'заболонь', *ринак* 'пеленка', *рохач* 'незрелая ягода морошка', *ранда* 'снег с дождем', *торбат* 'пугать рыбу', *чюна* 'конец мережи' и др.

К собственно карельским заимствованиям относятся слова, по своему фонетическому облику соответствующие карельскому оригиналу, например, слова с начальным *ш-* (происходят из карельского языка): *шалга* 'делянка в лесу', *шаглы* 'рыбья щека, жабры', *шалгун* 'охотничья сумка, заплочная сумка', *шарак* и *шорпа* 'зубья у вил'. Слово *равушка* 'тощий человек' явно карельского происхождения, где мы наблюдаем *ruaviško* (ср. фин. *leiviskä* 'кусоч хлеба'). Здесь карельское *-iško* на русской почве легко перешло в *-ушка*. К карельским заимствованиям мы относим также слова: *в'ин'гат* 'взвизгивать, ныть, надоедать', *жм'эга* 'шпагат для сшивания сетей', *юнда* 'порядок расположения сетей друг за другом по течению', *канарва* 'багульник', *карвас* 'лодка', *кар'эга* 'порожек', *коппала* 'тетерка', *корт'эха* 'осока, трава', *лам'бина* 'озерко', *л'индушка* 'похлебка', *нуд'я* 'костер особого устройства', *наккула* 'нарост, гриб на дереве', *тигач* 'мошकारа' и т. д.

У саамских заимствований, как правило, нет соответствий в прибалтийско-финских языках: *брас'эга* 'часть учебной лески', *к'эр'эжа* 'санволокуши' и др.

Ряд заимствований имеет явно прибалтийско-финское происхождение, однако определить язык-источник этих заимствований не представляется возможным: *ал'ил'эйка* 'птица', *гарва* 'редкая сеть', *гахка* 'птица гага', *лахта* 'пролив', *макса* 'печень', *малгат* 'уметь, понимать' и др.

Подчас трудно также определить, когда были заимствованы те или иные слова, с большей определенностью можно лишь сказать, из каких языков они заимствованы.

⁵ Д. В. Бубрих, Происхождение карельского народа, Петрозаводск 1947, стр. 6.

2. В результате обработки заимствованной лексики беломорских говоров и сравнения ее с данными Калимы⁶, Куликовского⁷, Подвысоцкого⁸ и Дурова⁹, с материалами словарного сектора Ленинградского отделения (ЛО) Института языкознания АН СССР выяснилось, что в карельском Беломорье встречаются слова, не зафиксированные для поморских говоров северновеликорусского наречия, но зато известные олонечким говорам: *гóрма* 'трава', *гúрайдат'* 'ворчать', *к'ив'úштат'* 'умирать', *лáст'эга* 'лучина', *р'óча* 'мокрый от дождя или неряшливый человек', *шáрак* 'зубец у вил' и др. Рассмотренных слов нет в словарях архангельских (поморских) говоров, не встречаются они и в русских говорах северного Урала¹⁰, поэтому говорить об их распространении восточнее беломорских говоров Карелии трудно, хотя бытование их там возможно.

Слова *гóрма*, *к'ив'úштат'*, *р'óча*, *с'эл'га* 'гора', *т'игач*, *шáрак*, *шóрна*, как мы уже отметили, карельского происхождения; многие из этих слов могли быть заимствованы беломорскими говорами уже в Беломорье.

К поморским словам можно отнести следующие заимствования: *вóјукса* 'печень', *јэлун'úца* 'вешало', *јúнда* 'порядок расположения сетей', *к'эчкара* 'берег моря после отлива', *л'úндушка* 'мучная кашлица', *пáхта* 'прибрежная скала', *рóккушка* 'похлебка', *óд'эга* 'палка, шест', *брас'эга* и др. Эти слова в олонечких говорах не выявлены.¹¹

В Беломорье нам встретилось несколько слов, не зафиксированных ранее для поморских говоров: *вóйдат'* 'плохо помыты, покрасить', *кáл'эжыг'* от *кáл'эга*, *кáр'эга* 'порог, место под падуном' (у Калимы *кáрега* 'волна', но это — слово совершенно другого происхождения), *л'úбайдат'*, *рáвгат'* 'мяукать' и др.¹² Там же мы записали и такие заимствования, которые не были этимологизированы Калимой или этимологии которых нас не удовлетворяют: *вóјукса*, *вóйдат'*, *корк-корг'ú* 'нос и корма лодки', *óд'эга*, *брас'эга*, *кáр'эга*, *л'úбайдат'*, *кэр'эжа*, *р'ачкон'út'*, *чúпа*, *шáрак*, *бúгра* 'шалаш; место, отгороженное в сарае холстом' и др. На основе собранного материала можно отметить, что ряд этих слов следует относить к саамским заимствованиям: *вóјукса*, *брас'эга*, *кэр'эжа* и т. д.

Заимствования, встреченные нами в беломорских говорах (имеем в виду исследованные нами села), распространены повсеместно, многие из них и сейчас органически входят в речь пожилых поморов, но не все известны молодым, в их речи редко можно услышать *кáлайдат'* 'стучать', *к'ив'úштат'* 'умирать' и др.; однако они хорошо знают *кэр'эжа*, *мáкса*, *вóјукса*, *л'эмбуй* 'чорт', *гáрва* 'редкая сеть', *кáрзат'*, *к'эхтат'* 'уметь, хотеть', *мáлтат'* 'уметь, понимать' и др., хотя эти слова и не входят в их активную лексику. Определенные слова уже начинают забываться поморами. Среди них такие, как *к'ив'úштат'с'а*, *úпак'и* 'гру-

⁶ J. Kalima, указ. раб.

⁷ Т. И. Куликовский, Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении, Санкт-Петербург 1898.

⁸ А. О. Подвысоцкий, Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении, Санкт-Петербург 1885.

⁹ И. М. Дуров, Словарь живого поморского языка. Архив Петрозаводского института языка, литературы и истории. Ф. 1, оп. 32, кн. 1—8.

¹⁰ А. К. Матвеев, Финно-угорские заимствования в русских говорах северного Урала. — Ученые записки Уральского государственного университета, вып. 32, Свердловск 1959.

¹¹ Т. И. Куликовский, указ. раб.

¹² Об этимологии слов *вóйдат'*, *кáл'эжыг'*, *л'úбайдат'* и др. см. И. В. Сало, О некоторых прибалтийско-финских заимствованиях в русских говорах карельского Беломорья, стр. 97—99.

бая обувь', *гар'як'и*, *тáйбола*, *шáрак* и др. Употребление многих прибалтийско-финских заимствований сокращается, в первую очередь это относится к лексике пищи, одежды, обуви. Вместе с исчезновением старых предметов исчезают и их названия: *л'индушка* 'похлебка, мучная каша', *кóйб'эн'ицы* 'рукавицы из шкуры ног оленя', *унак'и* и др. Уже редко употребляется сеть *гáрва*. Большое распространение получили поплавки из пенопласта, хотя *к'эбр'ушк'и* пока конкурируют с ними. Почти исчезло слово *нудья* 'охотничий костер особого устройства', так как охотничества в этом крае теперь нет.

Однако есть слова, которые еще долго будут сохраняться в русских говорах Беломорья. Сюда мы относим заимствованные слова, обозначающие «предметы и явления, свойственные лишь местной природе, местной производственной деятельности, местному быту». ¹³ Это — *кúйпога* 'отлив', *р'áнда* 'снег с дождем', *кúккой* 'закрытый пирог', *лúда* 'каменный остров', *сáлма* 'пролив', *шáлга* 'делянка в лесу', *мáкса* 'печень рыбы', *гúд'эга* 'мелкий снежок, похожий на иней', *рóвда* 'мерзлота в почве', *канáбра* 'багульник' и др. Часть этих слов (*кúйпога*, *гúд'эга*, *р'áнда*, *рóвда* и т. д.) не имеет в русском языке эквивалента для определения предметов и явлений, характерных для Беломорья.

3. При работе над этимологиями нами использован новый материал, ¹⁴ появившийся после издания работ Калимы, Веске, Фасмера, Погодина и др. ¹⁵

Найдены слова-оригиналы из карельского и вепсского языков, которым более близки беломорские заимствования, например, *óд'эга* 'палка, шест' < вепс. *odeg*, ср. у Калимы *óтега* < фин. *ahtoñe*; *гúд'эга* < вепс. *hudeg*, ср. у Калимы *гúдега*, *юдега* < кар. *huueh*, *huudehe*.

4. При исследовании фонетико-морфологического освоения русскими говорами прибалтийско-финских заимствований нами также обращается внимание на те фонетические особенности беломорских говоров севернорусского наречия, которые так или иначе отразились в заимствованиях.

При освоении в заимствованиях отразился процесс $a > э$ в положении между мягкими согласными под ударением ¹⁶: *jáм'эга* — *јэм'эга* 'шпагат для сшивания сетей', *к'áбр'ушка* — *к'эбр'ушка* 'берестяной поплавок'. Однако двоякая передача прибалтийско-финского a ($ä$) в говорах Беломорья, может быть, указывает на разное время заимствования: в более древнем $a > э$, а в более новом a не попало под действие

¹³ О. С. Мжельская, Из наблюдений над лексикой некоторых говоров Архангельской области. — Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук, вып. 18, Ленинград 1952, стр. 116.

¹⁴ Suomen kielen etymologinen sanakirja I—III, Helsinki 1955—1962; P. Pohjanvalo, Salmin murteen sanakirja, Helsinki 1947, 1950; Nykysuomen sanakirja I—VI, Porvoo-Helsinki 1951—1961; J. Kujola, Lyydiläismurteiden sanakirja, Helsinki 1949; T. I. Itkonen, Koltan- ja kuolanlapin sanakirja; M. Hämmäläinen i F. Andgejev, Vepsa-venähine vajehnik. Русско-вепсский словарь, Москва—Ленинград 1936; словарная картотека ЛО; И. М. Дуров, указ. раб.; материалы для карельского и вепсского словарей Петрозаводского института языка, литературы и истории.

¹⁵ J. Kalima, указ. раб.; М. Веске, Славяно-финские культурные отношения по данным языка, Казань 1890; M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg 1950; А. Л. Погодин, Севернорусские словарные заимствования из финского языка, Варшава 1904 и др.

¹⁶ В севернорусских говорах этот переход произошел примерно в XVII в. См. В. И. Лыткин, Фонетика севернорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский. — Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II, Москва—Ленинград 1949, стр. 149.

процесса $a > \varepsilon$. При продолжительном воздействии одного языка на другой могут быть и повторные заимствования.

Говоры Беломорья — окающие (с полным оканьем), т. е. этимологические a и o различаются не только в предударном, но и в других безударных слогах. Поэтому и в заимствованных словах безударные o и a различаются: *kõnnala* 'тетерка', ср. кар. *koppali*; *šápak'ui* 'зубья у вил' < кар. *šuarakko*.

Иногда (у отдельных информаторов) в некоторых словах беломорских говоров в безударном положении находим o на месте этимологического a : *sorofán*. И. С. Кузнецов склонен объяснять это явление «особым фонетическим положением или же особыми смысловыми отношениями». ¹⁷ То же самое мы наблюдаем в отдельных прибалтийско-финских заимствованиях: *táýbola* — *táýbala* 'место для сенокоса' < кар. *taibale-*, *gor'ak'ú* — *gar'ak'ú* 'выпивка' < кар. *harjakat*.

Вероятно, $a > o$, т. е. произошла лабиализация под влиянием соседних согласных.

Беломорские говоры относятся к ёкающим, т. е. в предударном слоге перед твердым согласным на месте этимологического ε (из e, \bar{e}, \bar{z}) произносится o : *s'ostrá*. В заударных слогах после мягкого согласного перед твердым и в конце слова мы тоже имеем o : *mór'o*, *býð'om*. Явление ёканья отражается и в заимствованиях, хотя и непоследовательно, например: *gýð'oga* — *gýð'éga* 'иней' < вепс. *hudeg*; *lást'oga* — *lást'éga* 'лучина' < вепс.-кар. **lastek*; *ód'oga* — *ód'éga* 'палка, шест' < вепс. *odeg*.

Для беломорских говоров характерен взрывной звук g (здесь нет фрикативного $ɣ$), прибалтийско-финское h передается через g : например, *gárva* < кар. *harva*, *kaǵáč* < вепс. *kaħač*. По Э. Тункело ¹⁸, в вепсском языке различается два h : звонкий h и глухой h . По его мнению, для вепсского языка закономерно, что h , как звонкий, так и глухой, сохранился во всех позициях. Поэтому можно предположить, что прибалтийско-финский звонкий h в интервокальном положении и в начале слова в беломорских говорах перешел в g (а не выступает как x) потому, что звонкий h ближе к русскому g ; кроме того, как мы отметили, для беломорских говоров специфичен взрывной g , а не фрикативный $ɣ$. В беломорских говорах, как правило, прибалтийско-финскому h соответствует русский g в начале слова и в интервокальном положении.

Здесь, как и в ряде северновеликорусских говоров, $ч$ и $ц$ совпали в одном звуке $ч'$, или $ц'$, или среднем между ними. ¹⁹ Их можно характеризовать как говоры с мягким цоканьем ($ц'$ и $ч'$ не различаются). При заимствовании из карельского или вепсского языков, которым известны как c (= рус. $ц$), так и $č$ (= рус. $ч$), русские говоры Беломорья не испытывали затруднений в передаче данных звуков, так как средства для их передачи были налицо в заимствующих говорах: *kaǵáč'úi*, *kaǵáč'úi* 'шест, палка', ср. вепс. *kaħač*; *ч'úna*, *ц'úna* 'куток, конец межи', ср. вепс. *čir*, прилад. кар. *čirri*.

¹⁷ И. С. Кузнецов, Русская диалектология, Москва 1951, стр. 40.

¹⁸ Е. А. Тункело, *Vepsän kielen äännehistoria*, Helsinki 1946, стр. 282; А. А. Беляков, Современный калининский диалект села Толмачи. Канд. дисс., Ленинград 1946, стр. 30.

¹⁹ В. И. Лыткин, указ. раб., стр. 141.

При передаче прибалтийско-финских звуков (гласных и согласных) русские говоры Беломорья обходятся, как правило, своими фонетическими средствами. Однако в них нет гласных *ä, ö, ü*, долгих гласных, дифтонгов и геминат. Прибалтийско-финские *ä, ö, ü* передаются здесь через русские *a, o, y* с палатализацией предшествующего согласного: *к'áбр'ушка* < кар. *käbrü*; долгие гласные и дифтонги одним гласным: *шáрак* < кар. *šuarakko* (*ua* < *ā*; нами зафиксировано два случая передачи *ā* в русских говорах: *вáрака* 'гора', *гáхка* 'птица'); прибалтийско-финские геминаты *-kk-, -pp-* иногда передаются геминированными, хотя это чуждо русскому языку: *пáккула* 'шишка на дереве' < кар. *pakkuli*; *чýнна*, наряду с *чýна* < кар. *širri*, вепс. *šir*.

5. При морфологическом освоении прибалтийско-финских заимствований имеет место ряд особенностей. Среди них и такие, которым Калима уделил недостаточно внимания или вообще обошел их.

В прибалтийско-финских языках нет категории рода, на русской же почве заимствования из этих языков переходят в тот или иной род. Большинство становится словами женского рода. Заимствований среднего рода фактически нет, так как слова среднего рода — это производные от заимствованных глаголов (*тóрбало* 'особого устройства палка, которой пугают рыбу' от *тóрбат'* 'пугать рыбу', *н'óхтан'jó* 'остатки при сбивании масла' от *н'охтат'* 'сбивать масло' и т. д.) и образовались по законам русского словообразования с окончанием среднего рода *-о*. Даже слова, имевшие в оригинале конечное *-о* (*лúда*, ср. кар. *luodo*; *нуд'já*, ср. кар. **nuodjo*) перешли в женский род, что можно объяснить не только малопродуктивностью категории среднего рода, но и тем, что слова среднего рода выражают, как правило, более абстрактные понятия.²⁰

При освоении вепсские заимствования с конечным согласным *-g* (*худэга, одэг, калег*) приобретают окончание *-а*; при склонении слов типа *од'эга, гуд'эга, кал'эга* согласный *g* подвергается чередованию *g ~ ж (ш)*: *кал'эга* — *кал'эшка* — *кал'эжыт'*. Согласный *g* приобретает значение суффикса. Как обобщение *-га* появляется и в тех заимствованиях, которые в оригинале имели *k, h*: *жám'эга*, ср. кар. *jame(h)*; *каp'эга*, ср. кар. *kare*; *ласт'эга*, ср. кар.-вепс. **lastek* и т. д.

Беломорские говоры, имея в своем распоряжении слова типа *брóдяга, зверюга, мотыга, дерюга* и т. д., аналогично образовали слова типа *гуд'ога, жám'эга, од'эга* и т. д. Однако иноязычное ударение в подобных заимствованиях сохранилось. Эти слова перешли в женский род, что вполне закономерно, ведь и слова общего рода (характеризующие предметы как предметы мужского, так и женского рода) были первоначально словами женского рода.

В мужской род переходят обычно те прибалтийско-финские заимствования, которые в оригинале оканчивались на согласный звук или на *-oi*: *р'упáк* 'пеленка', ср. кар. *ripak*; *нудáс* 'рукав реки', ср. фин. *pudas*, кар. *riwaš*; *кúккой, кúккуй* 'закрытый пирог', ср. вепс. *kukoi*.

Имеется ряд прибалтийско-финских заимствований, которые в беломорских говорах употребляются только с каким-нибудь русским суффиксом, хотя суффиксы не придают дополнительного значения: *л'индушка* 'мучнистая каша', ср. кар. *linda*; *рóккушка* 'похлебка', ср. кар. *rokka*.

²⁰ В. В. Виноградов, Русский язык, Москва—Ленинград 1947, стр. 83.

6. В олонекских говорах русского языка многие заимствованные глаголы имеют как суффикс *-анда-*, так и *-айда-*. А. Погодин считает, что глаголы с суффиксом *-анда-* — карельского происхождения, а с *-айда-* — вепсского.²¹ В беломорских говорах повсеместно встречаются только глаголы с суффиксом *-айда-*. Вполне возможно, что русские говоры олонекского края заимствовали глаголы на *-айда-* у вепсов, однако в результате многовекового соседства с карелами вместо *-айда-* стали произносить по образцу карельских глаголов *-анда-*: *калайдат'* — *каландат'* 'стучать', *ва́райдат'* — *ва́рандат'* 'ворчать'. Так как поморы не испытывали такого сильного влияния карел, как русские олонекского края, то они сохранили вепсский суффикс.

7. Я. Калима не рассматривает вопроса о прибалтийско-финской акцентировке в русских говорах. В исследуемых нами беломорских говорах русского языка тенденция к переносу ударения к началу слова в русских словах, которую наблюдали А. Шахматов и Н. Гринкова в олонекских говорах, не отмечается.²² В заимствованиях беломорских говоров мы, как правило, наблюдаем сохранение прибалтийско-финского ударения.

А. К. Матвеев для русских говоров северного Урала отмечает в заимствованных словах женского рода на *-а*²³ заметную тенденцию к переносу ударения на второй слог. Говорить о такой тенденции для русских говоров карельского Беломорья мы не можем: здесь мы встретили лишь четыре слова с ударением на втором слоге: *ола́жда* 'место для устройства ковра в лодке', *к'э́рэжа*, *ну́д'я́*, *кан'га́* наряду с *ка́н'га*. Зато перенос ударения на второй слог мы наблюдаем в заимствованных словах, оканчивающихся на согласный звук и перешедших на русской почве в мужской род. Подобные заимствованные слова могут иметь двоякое ударение — на первом слоге и на втором: *ку́бас* — *куба́с*, *к'и́бас* — *киба́с*. Следующие же слова имеют ударение только на втором слоге: *тука́ч*, *роха́ч*, *р'ипа́к*, *суз'ом*, *шалгу́н*. Перенос ударения на *-ач*, *-ак*, *-ем*, *-ун* можно объяснить влиянием русской акцентологической модели, ср. *бога́ч*, *шалу́н*, *батра́к*, *чернозе́м* и др. Ударение в существительных *я́лун'и́ца* и *га́р'я́к'и́* можно также объяснить аналогичной формой русского слова, ср. *круже́вни́ца*, *меду́ни́ца* и т. д., *батраки́*, *бедняки́* и т. д. Здесь заимствованное слово на русской почве можно разложить на мнимую основу и суффикс или окончание, которые и принимают на себя ударение.

I. V. SALO (Petrozavodsk)

CERTAIN CONCLUSIONS REGARDING BALTIC-FENNIC AND LAPPISH BORROWINGS AND THEIR ASSIMILATION IN NORTH RUSSIAN VERNACULARS OF THE KARELIAN WHITE SEA AREA

1. Elements of the Baltic-Fennic and Lappish vocabulary have been borrowed by the White Sea vernaculars of the North Russian dialect.

2. Several words have become established in the White Sea area which did not occur earlier in Pomorje vernaculars: *во́йдаг'*, *ка́р'эга*, *л'и́байдаг'*, *ра́вгаг'*, etc.

²¹ А. Л. Погодин, указ. раб., стр. 13.

²² А. А. Шахматов, Исследование в области русской фонетики, Варшава 1893, стр. 316; Н. П. Гринкова, К изучению олонекских диалектов. — Академик А. А. Шахматов, Москва—Ленинград 1947, стр. 388.

²³ А. К. Матвеев, указ. раб., стр. 97.

A number of words, which are included by Kalima among Baltic-Fennic borrowings, should be regarded as borrowings from the Lappish language: *брост'эга*, *к'эр'эжа*, etc.

3. Less use is being made in the White Sea vernaculars of many Baltic-Fennic borrowings, but there are words which will still long serve Russian vernaculars of the White Sea area, e. g., *күйпога*, *р'анда*, *луда*, etc.

4. The present study of the phonetic and morphological assimilation of Baltic-Fennic borrowings by Russian vernaculars considers the reflection in these borrowings and in the specific phonetic features of the White Sea vernaculars of the North Russian dialect: the transition from *a* > *э*, accentuation of *о* (*оканье*) and *ё* (*ёканье*); the pronunciation of certain Baltic-Fennic vowels and consonants in the Baltic-Fennic borrowings of the White Sea vernaculars.

5. Only those instances of morphological assimilation are considered to which Kalima devoted insufficient attention, or which he did not examine at all: gender, assimilation of the "suffix" *-s-*, etc.

6. It is possible that the Russian vernaculars of the Aunus region borrowed the verbs *-анда-* from Veps, but as a result of centuries spent in the neighbourhood of the Karelians, the language of the latter may have influenced neighbouring Russian vernaculars, and the Russians (following the example of Karelian verbs) began to pronounce *-айда-* as *-анда-*: *калайдат'* > *каландат'* 'to knock', etc. The Pomorje did not fall under such a strong Karelian influence as the Russians of the Aunus region. Therefore, they preserved this Vepsian suffix.

7. The Baltic-Fennic accentuation in the Russian vernaculars of the White Sea area is also considered.